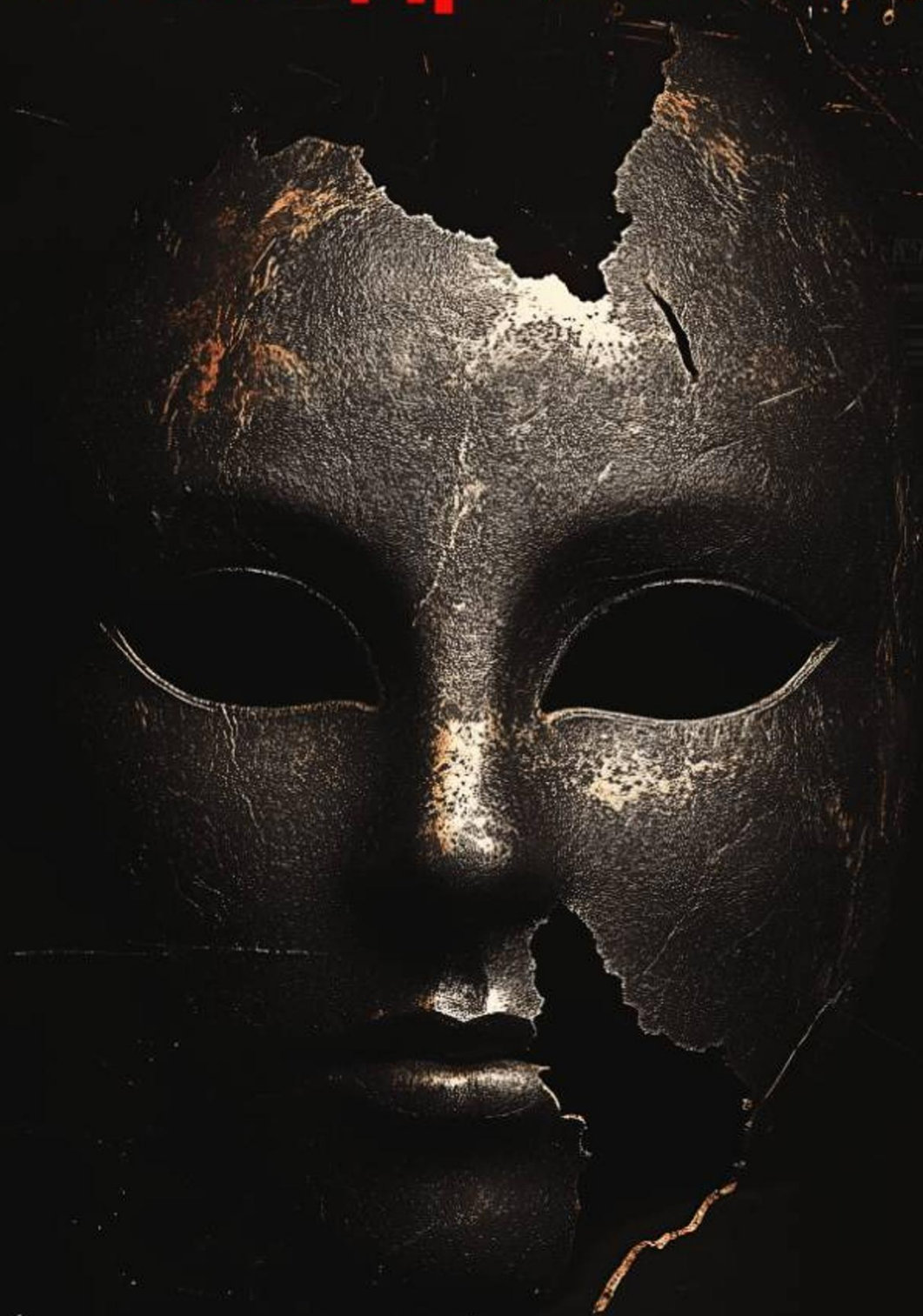

Александр Восьмой

Книга 5. «Сиринити и Вода, Которая Считает»

18+

Александр Восьмой

**Книга 5. «Сиринити и
Вода, Которая Считает»**

«Автор»

2026

Восьмой А.

Книга 5. «Сиринити и Вода, Которая Считает» / А. Восьмой —
«Автор», 2026

Сиринити работала на ферме, где поили скот из пруда, который не пересыхал даже в засуху. Воду пили, ею поливали, ею крестили. Пока Сиринити не заметила: каждый, кто пил из пруда, начинал считать. Считали шаги, вдохи, моргания — и не могли остановиться. Когда доходили до числа, которое каждый знал только про себя, — замирали и шли к пруду. Сиринити считала уже третий день. Время на исходе. Её число — где-то совсем рядом.

Александр Восьмой

Книга 5. «Сиринити и Вода, Которая Считает»

Глава 1. Пруд, который никогда не умирал

Ферма стояла там, где не должна была выжить. Земля трескалась, колодцы сохли, трава горела жёлтым — а пруд у восточной изгороди дышал, полный и чёрный, как зрачок спящего зверя. Скот пил из него в засуху. Овощи поливали им. Детей крестили этой водой. Сиринити работала на ферме с весны и любила пруд за то, что он был единственным, чему здесь не было конца.

Однажды утром она заметила, что доярка Милда шепчет губами. Сиринити прислушалась. Милда считала. Один, два, три. Моргания. Один, два, три. Шаги. Один, два, три. Вдохи. Она не могла остановиться. Она не хотела останавливаться.

К полудню счёт подхватил мальчишка-пастух: он отсчитывал удары сердца и вздрагивал, будто слышал чужой голос внутри. К вечеру счёт стал заразным — как шёпот, который липнет к ушам и не смывается даже ледяной водой.

Сиринити до вечера держалась. Не пила. Не подходила к пруду. Но когда Мужик Оптима протянул ей кружку мутной воды — «На, выпей, тут вся сила земли», — она не смогла отказаться. Глоток. Ещё один. И вдруг в голове щёлкнуло: раз, два, три...

Она начала считать шаги по тропинке к дому. Потом — вдохи. Потом — тени, падающие от забора. Ритм вползал под кожу, становился важнее голода, важнее страха. И самое страшное: где-то в глубине памяти жило её число. То, до которого досчитают — и пойдут к пруду. Она не знала, сколько осталось. Но чувствовала: совсем немного.

Вечером у колодца собрались все, кто пил из пруда. Они стояли молча, глядя в сторону воды, будто ждали знака. Фаргус пытался их окликнуть, но голоса не было — только сухой шёпот: «Раз... два... три...» Даффи Толстяк сжимал кулаки, будто хотел раздавить этот ритм, но пальцы сами отбивали такт. Окси смотрела на них и шептала: «Это не люди. Это часы, у которых кончился завод».

Прима, самая тихая из всех, подошла к Сиринити и тихо сказала:

— Ты ещё можешь остановиться. Пока не назвала число вслух.

Но Сиринити уже слышала его внутри — громкое, настойчивое, как биение чужого сердца. И оно становилось всё ближе.

Ночь накрыла ферму, и над прудом поднялся пар, похожий на дым от погасшего костра. Вода шевелилась, будто что-то всплывало изнутри. И в этот миг Сиринити поняла: пруд не хранил жизнь. Он собирал время — по капле, по вдоху, по шагу. И теперь он хотел своё.

Глава 2. Все считали

За неделю Сиринити насчитала одиннадцать человек на ферме, которые считали. Считали вилы, брёвна, трещины в стенах. Считали про себя, шёпотом, на пальцах. Тихий, ровный, неостановимый счёт — будто кто-то включил в каждом метроном и убрал кнопку выключения.

Оптима — мужик с руками как лопаты и смехом как удар колокола — смеялся над всем на свете и не верил в страхи. Но когда Сиринити спросила его, давно ли он считает, он замолчал. Потом сказал: «С детства. Только раньше я знал, зачем. А теперь забыл». И в его голосе не было привычной твёрдости — только пустота, будто из него вынули что-то важное.

Фаргус ходил по двору, отсчитывая шаги, и каждый раз, дойдя до какого-то рубежа, резко разворачивался, будто упирался в невидимую стену. Даффи Толстяк считал ложки за обедом,

потом тарелки, потом тени на полу — и всё время морщился, будто пытался стряхнуть с себя этот ритм, но тот прилипал крепче грязи. Окси смотрела на них и шептала: «Они не считают предметы. Они считают время, которое у них осталось».

Прима, тихая и осторожная, собирала обрывки фраз, которые люди бормотали между числами. «Дойду до ста...» «Ещё три...» «Только не девять...» Она складывала их в маленький потрёпанный блокнот, будто пыталась разгадать шифр, который мог спасти всех.

Сиринити уже третий день слышала этот внутренний отсчёт. Раз... два... три... Он не давал спать, не давал дышать спокойно. Её число было где-то совсем рядом. Она чувствовала его, как чувствуют приближение грозы — по тяжести в воздухе, по тому, как замирают птицы.

Однажды вечером, когда солнце уже садилось, а тени становились длиннее, Сиринити увидела, как Милда, доярка, остановилась посреди двора. Она стояла неподвижно, губы беззвучно шевелились. Потом она медленно повернулась к пруду и пошла — ровно, без колебаний, будто кто-то потянул её за невидимую нить.

«Милда!» — крикнул Фаргус, бросаясь за ней. Но она не обернулась. Не услышала. Или не захотела слышать.

Когда они добежали до берега, Милда уже стояла у самой кромки воды. Её глаза были пусты, а губы всё ещё шевелились: «...девяносто семь... девяносто восемь...»

И тут Сиринити поняла: никто не сможет её остановить. Никто не сможет остановить никого из них. Потому что счёт уже стал частью их самих — как кровь, как дыхание. И когда каждый дойдёт до своего числа, пруд заберёт их.

Над водой поднялся густой туман, похожий на дым от погасшего костра. Он стелился по земле, обволакивал ноги, шептал что-то на непонятном языке. И в этом шёпоте Сиринити услышала своё число. Оно было ближе, чем она думала.

Глава 3. Мой номер

Сиринити осознала, что считает, на рассвете третьего дня. Она стояла у пруда и поняла, что знает точное число камешков на дне у берега. Триста семь. Она не ныряла. Она не считала. Она просто знала.

Это знание было чужим — будто кто-то вложил его ей в голову, пока она спала, и теперь оно сидело там, тяжёлое и неизбежное, как камень в кармане. И дальше пришло другое понимание: у каждого человека есть число. Своё. Тайное. Оно живёт в теле, как второе сердце, и его не назвать, пока пруд не разбудит его. Когда счёт дойдёт до этого числа — человек замирает, встаёт и идёт к воде.

Сиринити считала уже третий день. Её число было где-то совсем рядом. Оно пульсировало в висках, подсказывало ритм каждому вдоху. Раз... два... три... Она пыталась думать о другом — о запахе сена, о скрипе половиц, о голосе Примы, которая вчера шептала: «Не слушай его, не повторяй», — но счёт прогрызал любые мысли, как вода точит камень.

Мужик Оптима ходил по двору, и даже его тяжёлая поступь теперь подчинялась этому ритму. Он считал доски в заборе, потом гвозди, потом трещины на ладонях. «Раньше я считал, сколько нужно сена на зиму, сколько дней до ярмарки, — пробормотал он, поймав взгляд Сиринити. — А теперь считаю, сколько осталось. Только не знаю чего».

Фаргус пытался бороться: он зажимал уши, кричал, чтобы заглушить внутренний отсчёт, но потом сам ловил себя на том, что шепчет: «...двадцать девять... тридцать...» Даффи Толстяк сидел у колодца и пересчитывал капли, падающие с края ведра, будто надеялся найти в этом какой-то смысл, какую-то лазейку. Окси смотрела на всех и тихо говорила: «Это не память. Это ловушка. Пруд выуживает из нас самое сокровенное и делает его приказом».

Прима подошла к Сиринити и вложила ей в ладонь маленький гладкий камешек.

— Держи. Смотри на него. Не считай воду, не считай тени. Считай только этот камешек. Один. И всё. Больше ничего.

Но Сиринити уже не могла остановиться на одном. Камешек в её пальцах вдруг распался на грани, на сколы, на микроскопические неровности — и она знала, сколько их. Сто сорок три. И это знание тянуло её дальше, к следующему числу, к тому самому, которое ждало её где-то впереди.

Вечером над прудом поднялся пар, густой и тяжёлый, похожий на застывший воздух. Он стелился по траве, обволакивал ноги, шептал что-то на языке, который нельзя было понять, но можно было почувствовать кожей. И в этом шёпоте Сиринити услышала своё число. Оно было не просто рядом — оно уже стояло за её плечом, дышало ей в затылок, ждало, когда она произнесёт его вслух.

Она сжала камешек в кулаке так сильно, что острые края впились в кожу. Кровь смешалась с пылью, но боль не перебивала отсчёт. Раз... два... три...

И где-то внутри неё щёлкнуло: она вспомнила своё число. И оно было гораздо ближе, чем она думала.

Глава 4. Те, кто уже дошёл

Доярка Милда дошла до своего числа в четверг. Она не закричала, не заплакала. Просто остановилась посреди двора, облизнула сухие губы и пошла к пруду. Шаг — вдох — выдох — шаг. Совершенно ровно, как механизм.

Сиринити бежала за ней, звала, хватала за руку — Милда не реагировала. Взгляд её был пустым, будто она смотрела сквозь мир, сквозь саму себя. Сиринити вцепилась в рукав, потянула назад, но рука Милды была твёрдой и чужой, как деревянная.

— Милда! Очнись! — кричала Сиринити, голос срывался, разбивался о тишину, которая вдруг стала слишком плотной.

Но Милда шла. Ровно. Неумолимо. Она вошла в воду по пояс, по грудь, по шею. И исчезла. Пруд даже не плеснул. Просто сомкнулся, будто её и не было. На берегу осталась ровная дорожка мокрых следов, и они сохли снизу — от воды к земле, а не наоборот. Это было неправильно. Это было страшно.

Во дворе повисла тишина, в которой слышно было только, как стучит сердце. Потом тишину разорвал крик Фаргуса — резкий, отчаянный, будто он пытался прокричать этот кошмар прочь. Он бросился к берегу, хотел нырнуть, вытащить, спасти, но Окси схватила его за плечо:

— Не надо. Ты не сможешь. Ты только добавишь ещё одни следы.

Фаргус замер, тяжело дыша, сжимая кулаки так, что побелели костяшки. В его глазах плескалась ярость и беспомощность.

Мужик Оптима стоял у ворот, огромный, неподвижный, словно каменная глыба. Но в его взгляде читался страх — тяжёлый, густой, как смола. Он считал доски в заборе: раз, два, три... и вдруг резко ударил кулаком по столбу, будто хотел выбить из себя этот отсчёт.

— Проклятая вода, — прорычал он, голос дрожал от напряжения. — Мы пили её годами. Кормили ею землю. А она кормилась нами.

Даффи Толстяк сидел на крыльце, обхватив голову руками. Он шептал что-то, но это не был счёт. Это была молитва, обрывки детских слов, просьбы к кому-то, кто, возможно, уже не слушал.

Прима подошла к Сиринити и тихо сказала:

— Она не ушла. Она выполнила приказ. И каждый из нас — следующий. Нужно понять, как разорвать цепь.

Сиринити смотрела на пруд. Чёрная вода казалась бездонной, будто в ней не было глубины — только бесконечность. И в этой бесконечности она видела отражение своего страха.

Её число было где-то совсем рядом. Она чувствовала его — оно пульсировало в висках, диктовало ритм каждому вдоху. Раз... два... три...

Окси подошла ближе, её голос звучал твёрдо, почти холодно, будто она пыталась удержать всех от падения в безумие:

— Пруд не просто забирает. Он собирает. Каждое число — это ключ. И пока мы считаем, мы отдаём ему части себя. Нужно найти источник. То место, где всё началось. Иначе мы все станем дорожкой мокрых следов.

Над водой поднялся туман, плотный и тяжёлый, как мокрый холст. Он стелился по земле, обволакивал ноги, шептал что-то на непонятном языке. И в этом шёпоте Сиринити снова услышала своё число. Оно было уже не просто рядом — оно ждало её, готовое щёлкнуть, как замок.

Она сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Боль была реальной. Боль была своей. И на миг она смогла заглушить отсчёт. Только на миг. Но этого мига хватило, чтобы прошептать:

— Мы не позволим ему забрать нас всех.

И в этот момент над фермой прокатился тихий, едва уловимый звук — будто где-то далеко открылась дверь, которую никто не должен был открывать.

Глава 5. Фаргус

Фаргус пришёл на ферму ниоткуда — парень без прошлого, с рюкзаком, в котором лежали карта и тетрадь, полная вычеркнутых чисел. Он искал пруд. Он уже встречал такой — в другой деревне, за три года до этого, где вся улица ушла в воду за одну ночь. Сорок человек. Сорок чисел. Сорок вычеркнутых строк в тетради, которая стала единственным, что от них осталось.

Он знал, что пруд не один. Они раскиданы по земле, как родинки на теле спящего великана — там, где вода не должна выжить, но выживает. Он знал, что это не колдовство и не болезнь.

— Это старее, — сказал он, когда Сиринити впервые с ним заговорила. — Старше колдовства. Старше слов. Старше имён, которыми мы пытаемся пугать друг друга. Это было здесь до нас. И будет после.

У Фаргуса не было числа. Он не пил из пруда ни разу. Но он считал вычеркнутые числа в тетради — и их было сорок семь. Сорок шесть — из той деревни. Сорок седьмым он вычеркнул Милду.

— Ты видел, как она вошла? — спросила Сиринити, голос дрожал, но взгляд был жёстким, как камень.

— Нет, — ответил Фаргус. — Но я видел следы. Они всегда одинаковы. Ровные. Мокрые. И сохнут не в ту сторону.

Он открыл тетрадь. Страницы были ветхими, пожелтевшими, пахли дымом и болотной водой. Каждое число перечёркнуто одной тонкой чертой — не злобно, не яростно. Ровно. Как эпитафия. Рядом с некоторыми стояли крошечные пометки: имя, возраст, дата. «Лина, 14. Шестнадцатое июля». «Отто, 60. Двадцать первое марта». «Близнецы. Один день. Одно число на двоих».

Прима взяла тетрадь и долго листала, водя пальцем по вычеркнутым строкам. Потом тихо сказала:

— У всех этих людей было число. Они все дошли. А те, кто не дошёл?

Фаргус помолчал. Потом ответил:

— Таких не бывает. Все доходят. Рано или поздно.

Окси смотрела на него с прищуром, будто пыталась разглядеть что-то за его словами.

— Ты три года ходишь от пруда к пруду. Считаешь мёртвых. Не пьёшь воду. Почему ты до сих пор здесь? Зачем тебе это?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.